Шабасова, М. А. История и современность австралийской славистики / М. А. Шабасова, К. В. Вощенко, В. И. Меньковский // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 355 – 360

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ АВСТРАЛИЙСКОЙ СЛАВИСТИКИ

До Второй мировой войны интерес к русскому языку и культуре в Австралийском Союзе проявлялся лишь в единичных случаях. Правительство проводило политику ассимиляции иммигрантов и настаивало на моноязычности страны. Курсы русского языка были открыты в школе Берлица, в Мельбурнском университете (руководители З. Л. Малиновская (1927 г.), Е. Черенисова (1929—1930 гг.), Дж. Гуд (1931—1944 гг.)), Университете Квинсленда (руководитель Н. М. Кристесен-Максимова), Университете Сиднея (руководитель Фаминский). Н. М. Кристесен-Максимова вспоминала о курсах русского языка: «Это были вечерние чисто практические занятия. Сам курс никаких реальных прав не давал, ни диплома, ни даже сертификата. Но зато многие из учащихся уходили от нас с повышенным интересом ко всему русскому. Прилив американских войск во время войны сильно пополнил число желающих учить русский язык. В армии США были свои военные курсы русского языка, тем не менее именно американцы ради лишней практики шли к нам буквально сотнями и это вносило оживление в наши и без того далеко не скучные занятия» [1].

Австралийская славистика в годы холодной войны. Вопрос о необходимости развития «советских и восточноевропейских исследований» был поставлен в Австралии после окончания Второй мировой войны. В числе причин возросшего интереса к региону назывались усилившиеся в 1940-е гг. влияние и авторитет СССР, обусловленные его вкладом в победу над странами оси. Отношение к Советскому Союзу раскололо австралийское общество на тех, кто опасался советской экспансии и распространения коммунистической идеологии, и тех, кто их приветствовал. В Австралии, как и в других западных странах, задавались вопросами о дальнейшем развитии СССР и последствиях этого развития для всего мира. Для австралийцев Советский Союз представлял интерес еще и потому, что являлся тихоокеанской державой, а советский Дальний Восток был относительно близок к Австралии. СССР рассматривался как потенциальный экономический и торговый партнер, для сотрудничества с которым были необходимы специалисты со знанием региона и русского языка. Кроме этого, признавалось, что особого внимания заслуживает русская культура [2].

Несмотря на декларируемый интерес, становление структуры «советских и восточноевропейских исследований» в Австралии проходило достаточно медленно, и в середине 1940-х гг. было делом одиночек-энтузиастов. Эпизодически проводились лекции и выступления специалистов по русской или советской проблематике, а также выдающихся деятелей из региона. В 1945 г. при поддержке Мельбурнского университета были организованы лекции А. Ф. Керенского, посвященные Русской революции. Керенский оказался в Австралии по личным обстоятельствам и, располагая стесненными средствами, обратился в университет за помощью. Согласно свидетельству очевидца событий, Керенский выступал перед аудиторией, состоявшей преимущественно из русских эмигрантов, не вызвав у них особого интереса и оказавшись скучным лектором и на русском, и на английском языках. Тем не менее

Мельбурнский университет заплатил бывшему главе Временного правительства за восемь лекций. В 1946 г. в Мельбурнском университете эмигрантка из России Кристесен-Максимова организовала первое в Австралии отделение русского языка и литературы, став тем самым основательницей австралийской русистики. Впоследствии появился слух, будто Кристесен-Максимова конкурировала за место руководителя русского отделения с Керенским, а Университет просчитался, избрав вместо легендарной личности «захудалую учительницу» [3]. Истине не соответствовал ни сам слух, ни оценка Кристесен-Максимовой, которая была выдающейся личностью, талантливейшим педагогом и организатором.

Процесс оформления структур и подразделений, специализировавшихся на изучении региона, был затянут по сравнению с другими западными странами. К концу 1970-х гг. кафедры, занимавшиеся русской проблематикой, и аспирантуры при них существовали в Мельбурнском университете (1946), Австралийском национальном университете (Канберра, 1955), Университете Монаша (Мельбурн, 1963), Квинслендском университете (1963), Университете Нового Южного Уэльса (Сидней, 1967). Общее число студентов насчитывало около 500 человек, а общий штат преподавателей — 29 человек. К 1976 г. 32 выпускника русских кафедр стали магистрами, а 9 — защитили докторские диссертации. Русские кафедры не только давали знание языка, русской истории и культуры, но и вели научную работу. В 1967 г. в Мельбурнском университете начали издавать журнал «Славянские исследования в Мельбурне» (*Melbourne Slavonic Studies*) под редакцией Н. М. Кристесен-Максимовой [4]. Наибольшее количество ученых-славистов было сконцентрировано в Австралийском национальном университете. Во второй половине XX в. получили развитие политические и исторические исследования региона, прежде всего СССР.

Единственным специализированным центром являлся Центр российских и восточнославянских исследований (*Centre for Russian and East European Studies*) в университете Мельбурна. У его истоков стояли ученые с мировым именем — С. Уиткрофт и Л. Холмс. Фактически Центр начал работу в 1989 г., но официально был открыт в торжественной обстановке советским премьер-министром Н. Рыжковым в 1990 г. Впоследствии Центр был переименован в Центр российских и евразийских исследований (*Centre for Russian and Euro-Asian Studies*).

Для координации «советских и восточнославянских» исследований было создано две профессиональные ассоциации — Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии (*Australia and New Zealand Slavists' Association* (ANZSA)) и Австралазийская ассоциация исследований социалистических стран (*Australasian Association for the Study of Socialist Countries* (*AASSC*)), подробнее о которых будет сказано ниже.

Организация изучения СССР и стран Восточной Европы была обусловлена, с одной стороны, холодной войной и значимостью СССР и стран Восточной Европы на международной арене, а с другой — ролью и местом славянских диаспор в австралийском обществе. При этом в зависимости от страны и сферы исследований на первое место выступал то один, то другой фактор. Политические исследования, в первую очередь Советского Союза, равно как и повышенный интерес к русскому языку, объяснялись влиянием холодной войны, которая в принципе и вызвала к жизни западную советологию. Среди изучавших СССР и русский язык было много австралийцев. В списке известнейших исследователей советской системы преобладали фамилии англосаксонского происхождения. Можно смело предположить, что даже если бы в Австралии вообще не было русской диаспоры, т. е. организованного сообщества этнических русских, уровень изучения Советского Союза был бы практически таким же. Безусловно, многие иммигранты внесли свой вклад в развитие изучения России и СССР, но относительная немногочисленность русской общины в Австралии явно контрастировала с масштабом исследований и преподавания русской и советской проблематики.

Что касается изучения других славянских стран и культур, то здесь на первый план выходил фактор иммигрантов. Во второй половине XX в. австралийское правительство отказалось

от ассимиляции иммигрантов и идеи превосходства англосаксов, перейдя к политике мультикультурализма, предполагавшей уважение ко всем этническим группам, населявшим страну, равно как и развитие их языков и культур. В 1981 г. Комиссия по высшему образованию Содружества предложила профинансировать изучение языков 12 этнических общин в различных учебных заведениях. В результате в Университете Маккуори в 1983 г. начала реализовываться программа славянских исследований, став показательным примером практики мультикультурализма. Программа предполагала изучение хорватского, сербского и польского языков, а также сравнительной славянской лингвистики, славянских обществ и современной польской политики. В 1984 г. было добавлено преподавание македонского и украинского языков. Очевидно, что приоритетной целью славянской программы было сохранение культурного наследия. Большинство обучавшихся были представителями общин иммигрантов. Программа финансировалась диаспорами и правительством, в то время как университет не только не затрачивал своих средств, но, возможно, получал еще и прибыль. Русский язык стал преподаваться только в 1988 г., что стало отступлением от первоначальной концепции программы. По востребованности он сразу оказался вне конкуренции, притянув в основном не этнических русских или их потомков, а австралийцев [5].

Развитие славянских исследований в Австралии после распада Советского Союза. После окончания холодной войны казалось, что крушение коммунизма в СССР привело к окончанию проведения «коммунистических и славянских исследований» в Австралии. В 1990-е гг. многие исследователи старшего возраста прекратили научную деятельность, в то время как некоторые представители молодого поколения покинули пятый континент в силу различных обстоятельств. Австралийский национальный университет, бывший самой прочной институциональной базой для «советских, российских и восточнославянских исследований», отказался замещать освободившиеся должности [6]. Вместе с тем в 1990—2000-е гг. продолжалась активная исследовательская работа австралийских специалистов, получившая международное признание.

Как и в других странах, система «российских и восточноевропейских исследований» в 1990-е гг. столкнулась с финансовыми трудностями, необходимостью поиска средств при условии отказа правительства осуществлять достаточное финансирование, а также претерпела реструктуризацию. В 1997 г. прекратил свое существование Центр российских и евразийских исследований, замененный Исследовательским отделом российских и евразийских исследований в Исследовательском центре современной Европы (*Contemporary Europe Research Centre* (CERC)) при Мельбурнском университете [7]. CERC объединял специалистов по европейским и евразийским проблемам из различных австралийских университетов. Примечательно, что большинство основных научных сотрудников Исследовательского центра были специалистами по СССР, России и Восточной Европе. Среди них можно упомянуть таких признанных ученых, как Г. Джилла, С. Уиткрофта, С. Фортескью, А. Павковича.

Главными задачами Центра были поддержка исследований Европы и Евразии, организация научных дебатов и сотрудничества между состоявшимися исследователями и аспирантами. CERC организовывал лекции и семинары со свободным входом для всех желающих. Каждая лекция из цикла, посвященного венгерской революции 1956 г., собирала свыше 150 человек. CERC приглашал ученых, обеспечивая им возможность проведения исследований. Центр имел свою электронную базу данных и библиотеку, хотя следует отметить, что список англоязычных и русскоязычных журналов, посвященных преимущественно экономическим проблемам, выглядел весьма скромно.

В 2009 г. Исследовательский центр современной Европы был закрыт. Web-сайт Центра сохранился, и желающие имеют возможность ознакомиться с некоторыми публикациями CERC («Труды CERC», бюллетени, электронная книга «Европа: новые голоса, новые перспективы») и полезными для специалистов по региону ссылками.

История преподавания и изучения славянских языков и литературы в австралийских университетах в посткоммунистические десятилетия была противоречивой. Отделения, специализировавшиеся на славистике, то закрывались, то открывались вновь. В общем преподавание славянских языков, кроме русского, было сокращено, большим интересом пользовались история и политическое развитие Восточной Европы [8]. Центрами преподавания славянских языков и культуры являются Университет Монаша и Университет Маккуори.

Будущее русских программ временами также ставилось под вопрос. Были закрыты русские кафедры в Австралийском национальном университете, университете Монаша, Мельбурнском университете. Однако впоследствии преподавание русского языка и в Мельбурнском университете, и в университете Монаша было возобновлено, а в Австралийском национальном университете практикуются дистанционные курсы русского языка, целью которых является обучение письменному языку для проведения в дальнейшем академических исследований. Курсы русского языка имеются в Квинслендском университете, Университете Нового Южного Уэльса, Университете Сиднея, Университете Маккуори. В 2000-е гг. наметился рост числа студентов, изучающих русский язык, что отчасти объясняется желанием русских иммигрантов сохранить свою культурную идентичность. Так, в Университете Маккуори треть студентов имеет славянские корни в третьем или четвертом поколении [9]. При этом хотелось бы отметить, что интересы русской этнической группы вряд ли являются основой для поддержания русских программ в австралийских университетах. Русская диаспора в Австралии относительно немногочисленна. По переписи 2006 г. иммигранты из России составляют всего 0,4 % от общего числа иммигрантов, а количество признавших российские корни равняется 0,3 % от общего числа многонационального австралийского населения [10]. По численности русская диаспора уступает украинцам, полякам, сербам, хорватам.

Русский язык пользуется спросом в силу карьерных соображений молодого поколения. Стабилизация экономического положения во время президентства В. Путина привела к тому, что Россию стали рассматривать как выгодного делового партнера [11]. В интервью 2008 г. посол Австралии в России М. Туми (специализировалась на русской проблематике во время учебы в Мельбурнском университете) утверждала, что за последние четыре года объемы двусторонней торговли увеличились в четыре раза, а инвестиции росли еще быстрее [12]. По свидетельству руководителя отделения русского языка университета Маккуори доктора М. Калюги, были случаи, когда студенты-юристы изучали русский язык и уезжали работать в Россию, где специалисты со знанием международного права высоко ценятся и оплачиваются. Другие трудоустраивались в посольстве Австралии в Москве, в иммиграционных службах [13].

В Австралии продолжают функционировать созданные еще во время холодной войны ассоциации, специализирующиеся в Евразии и Восточной Европе. Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии (ANSZA) [14] была основана в 1967 г. Н. М. Кристесен-Максимовой. Деятельность Ассоциации направлена на всестороннее развитие «славянских и восточноевропейских исследований» в Австралии и Новой Зеландии и заключается в обеспечении сотрудничества между структурными единицами и отдельными учеными, занимающимися изучением региона. ANZSA налаживает контакты с иностранными славистами и соответствующими институтами, поддерживает участие австралийских исследователей в международных научных мероприятиях. С помощью Ассоциации публикуются такие журналы, как «Славянские и восточноевропейские исследования в Австралии» (*Australian Slavonic and East European Studies*), сменивший в 1987 г. «Славянские исследования в Мельбурне», и «Славянский журнал Новой Зеландии» (*New Zealand Slavonic Journal*). Оба журнала в основном публикуют статьи, посвященные проблемам языка, литературы и культуры, хотя время от времени также печатаются исследования по истории, политическому и социальному развитию. Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии ежегодно проводит научные конференции. Президентом ANZSA является Дж. Макнейр.

Другой организацией, координирующей работу специалистов по «российским и восточнославянским исследованиям», является Австралазийская ассоциация коммунистических и посткоммунистических исследований (*Australasian Association for Communist and Post-Communist Studies* (AACPS)) [15]. Ассоциация была основана в 1975 г. как Австралазийская ассоциация исследований социалистических стран (AASSC). У истоков AASSC стоял Т. Ригби, ставший ее первым президентом. Целями Ассоциации изначально были аккумуляция информации по региону, стимулирование научного интереса путем организации конференций и симпозиумов, поддержка межправительственного и межуниверситетского обмена с тогда еще коммунистическими странами. AACPS объединяла ученых, изучавших Советский Союз, Восточную Европу и Китай. После демонтажа коммунистических систем в Европе AASSC в 1993 г. была переименована, а руководство Ассоциации постаралось сохранить «евразийский» характер организации, объединявшей специалистов по посткоммунистическому пространству и Китаю. В этом проявилась характерная черта австралийских «российских и восточноевропейских исследований», заключающаяся в их тесных связях с «азиатскими коммунистическими и посткоммунистическими исследованиями».

Сегодня в качестве своих основных целей Ассоциация объявляет поддержку практики академического обмена и изучение политического, социально-экономического и культурного развития евразийского региона. AACPS проводит раз в два года научные конференции и совместно с ANZSA публикует «Славянские и восточноевропейские исследования в Австралии». Президентом Австралазийской ассоциации коммунистических и посткоммунистических исследований является Г. Джилл.

Выводы. В годы холодной войны в западных странах была создана развитая инфраструктура научных центров, занимавшихся изучением коммунистических государств и призванных предоставлять правительствам и обществам своих стран должный объем информации о регионе, ранее привлекавшем лишь поверхностный интерес ученых. В условиях идеологического и политического противостояния «советские и восточноевропейские исследования» быстро превратились в развитую, престижную и хорошо финансируемую академическую сферу, ставшую самостоятельным объектом изучения. Наибольшее внимание ученых привлекала американская советология, далее следовали Западная Европа и Канада. Австралийские «советские и восточноевропейские исследования» оставались на периферии научного интереса. После распада СССР такая расстановка приоритетов сохранилась.

Существующее положение вещей объясняется, во-первых, тем фактом, что в Австралии не было создано сети центров, специализировавшихся на «российских и восточноевропейских исследованиях». Ученые, занимавшиеся коммунистическими странами, являлись сотрудниками научных и образовательных учреждений широкого профиля. Хотелось бы подчеркнуть, что непосредственно труды австралийских ученых заняли в академическом мире отнюдь не маргинальное место, а обделенной вниманием оказалась именно история развития дисциплины и ее структурного оформления.

Во-вторых, даже сегодня нельзя сбрасывать со счетов так называемую «тиранию расстояния», в силу которого Австралия зачастую воспринимается как изолированная территория, живущая по своим законам и существенно не влияющая на мировые процессы. И наконец, на состояние изученности проблемы повлияла мобильность австралийских ученых, их активная вовлеченность в мировую науку, вследствие чего они не воспринимались как представители уникальной австралийской школы «российских и восточнославянских исследований» с присущими только ей чертами, характеристиками и теоретическими основаниями.

При ближайшем рассмотрении вопроса малоизученность «российских и восточнославянских» исследований в Австралии представляется необоснованной, так как без Австралии невозможно представить целостную картину развития дисциплины. Многие австралийские специалисты получили признание в академическом сообществе и внесли неоценимый вклад

в развитие дисциплины. Р. Саква, проведя в начале 2000-х гг. анализ «советских, восточноевропейских и российских исследований» в Австралии, признавался, что для него стало сенсационным открытием, как много ученых с мировым именем были, так или иначе, связаны с Австралией [16]. Помимо этого, изучение «российских и восточноевропейских исследований» на пятом континенте может внести вклад в понимание таких актуальных проблем истории и современности, как возможности адаптации и признания в австралийском обществе иммигрантов, взаимообусловленность международных отношений, политики, экономики и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Донских, О.* Остров Элтам, или Одна счастливая русская жизнь / О. Донских // http://www.pereplet.ru/podiem/n8-04/Dons.shtml

2. *Morrison, R. H.* Russian studies in Australia / R. H. Morrison // The Australian Quarterly. Vol. 17. No. 4. 1945. P. 27.

3. *Донских, О.* Остров Элтам, или Одна счастливая русская жизнь / О. Донских // http://www.pereplet.ru/podiem/n9-04/Eltam.shtml

4. *Каневская, Г. И.* История русской иммиграции в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.) / Г. И. Каневская // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. с. 30.

5. *Koscharsky, H.* Slavonic Studies at Macquarie University 1983—1998: An Experiment in Migrant Language Maintenance / H. Koscharsky, A. Pavkovic // Australian Slavonic and East European Studies. Vol. 25. No. 1—2. 2005. P. 149—162.

6. *Holmes, L.* The State and Future Tasks of Slavic Studies in Australia and Beyond during the Post-Communist Period: One Australians Perspective / L. Holmes // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 15.

7. Contemporary Europe Research Centre // http://cerc.unimelb.edu.au

8. *McNair, J.* Foreword: Slavic Studies in Australia and New Zealand / J. McNair // Themes and Variations in Slavic Languages and Cultures. Australian Contributions to the XIV International Congress of Slavists. Perth, 2008.

9. В Австралии растет число желающих изучать русский язык // http://www.fond-rk.ru/articles/509/v-avstralii-rastet-chislo-zhelayushchikh-izuchat-russkii-yazyk

10. Community Information Summary. Russian Federation-born // http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/comm-summ/_pdf/russian-federation.pdf

11. *Holmes, L.* The State and Future Tasks of Slavic Studies in Australia and Beyond during the Post-Communist Period: One Australians Perspective / L. Holmes // Where are Slavic Eurasian Studies Headed in the 21st Century / 21 Century COE Program Occasional Papers. 2005. No. 7. P. 17.

12. Интернет-интервью чрезвычайного и полномочного посла Австралии в Российской Федерации Маргарет Туми // http://www.rbc.ru/interview/rbc_interview400.shtml

13. В Австралии растет число желающих изучать русский язык // http://www.fond-rk.ru/articles/509/v-avstralii-rastet-chislo-zhelayushchikh-izuchat-russkii-yazyk

14. Australian and New Zealand Slavists Association (ANZSA) // http://sites.google.com/site/anzsapages/

15. AACPSsite // http://sites.google.com/site/aacpssite/

16. *Sakwa, R.* The Australasian Contribution to Soviet, East European and Russian Studies / CERC Working Papers Series. 2004. No. 1 / R. Sakwa // http://www.cerc.unimelb. edu.au/ publications/CERCWP012005.pdf.

Шабасова М. А., преподаватель кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук

Вощенко К. В., студентка исторического факультета БГУ (специальность «Документоведение и информационное обеспечение управления»)

Меньковский В. И., профессор кафедры истории России БГУ, доктор исторических наук